
СЕРГЕЙ АНПИЛОГОВ
1793
1888
1911
КОКОНЫ ВРЕМЕНИ
ДВЕНАДЦАТЫЙ НОСИТЕЛЬ
18+

Сергей Анпилогов

Коконы времени

«Автор»
2026

Анпилогов С.

Коконы времени / С. Анпилогов — «Автор», 2026

Он очнулся через сто лет в мире, который больше не принадлежит его эпохе. Человечество построило почти идеальную цивилизацию, но за её безупречным фасадом скрывается страшная тайна.Погружаясь в собственную память, герой обнаруживает следы прошлых воплощений — от Филадельфии XVIII века до туманного Лондона викторианской эпохи. Тайные эксперименты, загадочные преступления и секретный проект «Лазарь» постепенно складываются в пугающую картину.Он — двенадцатый носитель. Последний элемент замысла, способного изменить ход человеческой истории.Но кто вправе решать, каким должно быть будущее человечества? И какую цену придётся заплатить за власть над временем?**«Коконы времени»** — научно-фантастический триллер с элементами исторического детектива о тайнах сознания, опасной игре со временем и любви, способной преодолеть столетия.

© Анпилогов С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Анпилогов
Коконы времени

КОКОНЫ ВРЕМЕНИ
Двенадцатый носитель

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная часть
Глава первая. Все будет хорошо
Глава вторая. Эхо чужой крови
Глава третья. Призраки туманного Альбиона
Глава четвертая. Тени проекта «Лазарь»
Глава пятая. Белое безмолвие
Эпилог. Письмо сквозь столетия

— О боже, как же раскалывается голова… — первая мысль, пронзившая сознание.

Я разлепил веки, и меня тут же ослепил резкий, стерильно-белый свет. Где я? Что случилось? Спустя пару секунд память начала понемногу проясняться. В глазах двоилось, и как я ни старался, картинка никак не хотела собираться в фокус. Прошло еще несколько минут, прежде чем резь в глазах утихла.

Меня всегда поражало устройство нашего зрения. Стоит провести в темноте всего двадцать минут, как светочувствительность сетчатки возрастает в шесть тысяч раз. С самого детства этот орган приводил меня в настоящий восторг. Конечно, в человеческом теле все уникально, но глаза всегда казались мне какой-то особой загадкой природы. Я перечитал уйму научных статей об этом и в юности даже всерьез подумывал выучиться на офтальмолога.

Воздух здесь был опьяняюще свежим, прохладным и абсолютно лишенным запахов — словно я дышал через кислородную маску.

Из тумана начали всплывать последние воспоминания. Разговор с коллегой, Чаком Дэвисом. На нас висел колоссальный проект государственной важности в области криогеники. Проще говоря, нам поставили задачу: научиться замораживать и возвращать к жизни живые существа без малейшего вреда для организма. Наверху требовали результат как можно быстрее и не поскупились на впечатляющий бюджет.

Официальной целью значилась разморозка мамонта, найденного во льдах Арктики. Экспертиза показала, что древний гигант замерз при температуре около минус девяноста пяти градусов. Похожий экстремальный холод на Земле фиксировали лишь раз — 21 июля 1983 года на станции «Восток», когда столбик термометра опустился до минус восьмидесяти девяти. По нашей теории, при правильной дефростации зверь мог оказаться вполне живым, что стало бы мировой сенсацией. Мы с Чаком лишних вопросов не задавали, но оба прекрасно понимали: настоящие цели заказчиков лежат куда дальше палеонтологии.

Тот последний диалог в лаборатории становился все отчетливее. Чак с жаром доказывал, что устранил ошибку в конструкции криокамеры и переписал критические узлы софта. Теперь аппарат был полностью готов. На этот раз в роли добровольца выступал двухлетний канадский сфинкс — абсолютно лысый, сморщенный кот, мирно дремавший в капсуле.

Чак не успел договорить. Раздался чудовищный грохот. Землетрясение? Взрыв? Бетонный пол под ногами завибрировал так сильно, что тяжелые стеллажи с оборудованием начали складываться один за другим. Стены ходили ходуном, казалось, здание вот-вот сложится как карточный домик. Я попятился, пытаясь удержать равновесие и хоть что-то сообразить. Раз в полгода нам проводили жесткие инструктажи на случай ЧП, расписывая действия буквально

по секундам. Но в реальности все заученные правила мгновенно выветрились из головы, уступив место животному ужасу.

Я сделал еще шаг назад, и нога предательски поехала. Пол был залит какой-то маслянистой дрянью из разлетевшихся вдребезги колб. Я попытался схватиться за воздух, но с глухим стуком рухнул навзничь. Затылок обожгло болью от удара о бетон, и мир мгновенно погас.

И вот я здесь. Сознание постепенно собиралось по кускам, но мысли все еще вязли, как в киселе. Судя по всему, я провалялся в отключке не один день. Попытавшись приподняться и осмотреть себя, я тут же обессиленно рухнул обратно на подушку. На левом предплечье и груди обнаружились странные датчики. Они были плоскими, почти прозрачными и, судя по всему, беспроводными — ни единого провода, лишь слабое голубоватое пульсирование под полупрозрачной пленкой. Странно. Даже в нашей секретной лаборатории, напичканной самыми передовыми разработками, ничего подобного не было. Похоже, приложился я действительно знатно — возможно, даже впал в кому.

Комната вокруг была до жути стерильной и пустой. Ничего лишнего, ни одной зацепки, как я ни вглядывался. В углу стоял лишь белый стул причудливой, обтекаемой формы — ни единого острого угла, словно его вылили из единого куска матового пластика. Удивительно, как грация и минимализм могут сочетаться в такой простой вещи. Кроме этого стула и моей кровати в помещении не было ничего. Ни тумбочек, ни аппаратуры, ни даже окна. Яркий, холодный свет лился прямо из матовых панелей, вмонтированных в потолок.

Я снова обвел взглядом пространство. Не покидало чувство, что здесь не хватает какой-то привычной, базовой детали, которую мы обычно не замечаем, но без которой интерьер кажется пугающе чужим. И тут до меня дошло. В комнате не было двери. Совсем. Гладкие, бесшовные белые стены со всех четырех сторон.

Не успел я переварить эту мысль, как прямо напротив кровати поверхность стены дрогнула. Появилась тонкая вертикальная линия, и створки бесшумно разъехались в стороны — точь-в-точь как автоматические двери в супермаркете.

В палату вошел высокий мужчина в безупречно белом халате. Крепкого телосложения, с хорошо развитой мускулатурой — он куда больше походил на инструктора по рукопашному бою, чем на медика. Прямая, почти военная осанка, на лице — непроницаемая маска профессионального игрока в покер. Когда он подошел ближе, я заметил, что у него полностью отсутствуют не только волосы на голове, но и брови с ресницами, словно после курса жесткой химиотерапии. Хотя выглядел он при этом абсолютно здоровым и полным сил.

— Здравствуйте. Меня зовут Уильям, я ваш лечащий врач.

Я попытался представиться в ответ, но во рту словно насыпали песка. Губы шевельнулись, но наружу не вырвалось ни звука. Будто прочитав мои мысли, доктор слегка кивнул:

— Не напрягайтесь, это нормальная реакция после пробуждения. Какое-то время вас еще будут беспокоить головные боли и легкое головокружение, но в целом показатели в норме.

Он стоял в метре от кровати и сверлил меня пристальным взглядом, словно изучал редкое ископаемое под стеклом. Я, в свою очередь, в упор разглядывал его. Когда наши взгляды встретились, я заметил странную деталь: глаза у Уильяма были разного цвета. Один — ледяной серый, другой — темно-карий. Я вспомнил, что читал об этом. Кажется, эта редкая аномалия называется гетерохромией.

Да что, черт возьми, здесь происходит?! Самое жуткое место, в котором мне доводилось бывать. Непонятные технологии будущего, герметичная камера без окон и дверей, врач-вышибала с разными глазами… Сотни вопросов и ни одного ответа. Я снова попытался приподняться на локтях и выдавить хоть слово, но из горла вырвался лишь жалкий, сиплый хрип.

— Я введу вам легкое снотворное. Набирайтесь сил, нам предстоит многое обсудить, — произнес доктор ледяным, ровным тоном. В его голосе не было ни капли эмоций, он звучал как синтезатор речи в автоответчике.

Он развернулся и вышел. Створки за его спиной сомкнулись так плотно, что не осталось даже намека на стык. Веки мгновенно налились свинцом. Я устроился поудобнее, и мое сознание, словно старый парусный фрегат, плавно заскользило в густой, теплый туман сна.

Я толкнул скрипучую калитку и вышел со двора большого бабушкиного дома, в котором провел почти все свое детство. Вокруг раскинулся наш тихий городок с населением от силы тысяч пятнадцать — сонное место, где каждая собака знает тебя в лицо. Здесь оставались в основном люди за сорок, местная детвора да городские ребятишки, сосланные к старикам на лето. Молодежь старалась сбежать отсюда в мегаполисы сразу после выпускного, подальше от родительского надзора.

Я шагнул на пыльную дорогу, оставив дом позади. Судя по зною, стояла середина июля. И тут меня пронзила четкая, кристально ясная мысль: я сплю. И самое главное — я полностью это осознаю. Солнце приятно припекало спину, пустынная улица плавилась в послеобеденном мареве, а дыхание вдруг участилось от пьянящего чувства всемогущества. В этом мире я был богом.

Ощущение божественного всемогущества в жарком июльском мареве таяло, словно мираж на раскаленном асфальте. Картинка поплыла, зной сменился знакомой стерильной прохладой, и я снова открыл глаза. На этот раз сознание было ясным, а тяжесть в затылке отступила, оставив лишь легкое покалывание.

Невидимая дверь бесшумно скользнула в сторону. На пороге стоял Уильям.

— Вижу, показатели пришли в норму, — ровно произнес он, окинув меня оценивающим взглядом своих разноцветных глаз. — Если чувствуете в себе силы, пройдемтесь. Вам нужно увидеть все своими глазами, иначе вы просто не поверите моим словам.

Я спустил ноги с кровати. Пол оказался неожиданно теплым, словно живым. Голова слегка закружилась, но я удержал равновесие. Голос вернулся, хоть и звучал все еще хрипло, как после долгой простуды:

— Кто вы? И где Чак? Что вообще произошло в лаборатории?

— Обо всем по порядку, — Уильям жестом пригласил меня в коридор.

Мы вышли из палаты и попали в бесконечную галерею, залитую мягким рассеянным светом. Здесь не было привычных ламп или проводов — светились сами полупрозрачные стены, за которыми угадывались плавные силуэты футуристических башен, уходящих высоко в белесое небо. По воздуху бесшумно скользили обтекаемые капсулы транспорта, не оставляя ни дыма, ни шума.

— Вы в научно-исследовательском центре «Эон», — начал Уильям, шагая рядом. Его движения были выверенными и плавными. — В тот день, когда в вашей лаборатории произошло землетрясение, подземные толчки разрушили верхние уровни комплекса. Вы потеряли сознание от удара. Ваш коллега, Чак Дэвис, понимая, что спасатели не успеют добраться до заблокированного сектора, пошел на отчаянный шаг. Он поместил вас в экспериментальную криогенную капсулу и запустил протокол глубокой заморозки.

Я замер, вцепившись взглядом в профиль врача.

— Но нас должны были откопать через пару дней! У проекта был высший приоритет!

— Проект был настолько секретным, что о существовании подземного бункера знали единицы, — спокойно возразил Уильям. — Разрушения оказались катастрофическими. Власти списали объект как полностью уничтоженный, территорию оцепили, а архивы засекретили. Вы пролежали под завалами в автономной капсуле ровно сто лет.

Сто лет. Слова звучали как бред сумасшедшего, но вид за панорамными стенами коридора кричал об обратном. Мир вокруг изменился до неузнаваемости.

Уильям остановился у широкой стеклянной перегородки и кивнул вглубь помещения.

— Взгляните. Это учебный сектор.

За стеклом располагался просторный светлый зал, где за полукруглыми консолями сидели около десятка детей лет десяти. Присмотревшись, я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Все они, как один, были абсолютно лысыми, без единого волоска, бровей или ресниц — точь-в-точь как сам Уильям. Но еще сильнее поражало другое: когда дети поворачивали головы, я видел у каждого из них ту самую аномалию — один глаз темный, другой светлый. А их руки двигались с пугающей синхронностью: они одновременно чертили схемы на сенсорных панелях левой рукой и делали пометки правой.

— Что с ними? — вырвалось у меня. — Какая-то генетическая катастрофа?

— Напротив, это ступень эволюции, — в голосе доктора впервые проскользнула тень гордости. — За минувшее столетие человечество окончательно перебралось в искусственно контролируемую среду. Волосы утратили терморегуляционную функцию и исчезли за ненадобностью. Развитие нейроинтерфейсов выровняло работу обоих полушарий мозга — теперь все люди от рождения амбидекстры. А гетерохромия стала побочным маркером адаптации сетчатки к новому спектру искусственного освещения.

Я смотрел на этих детей будущего и чувствовал себя тем самым замороженным мамонтом, которого мы с Чаком мечтали вернуть к жизни. Только теперь в роли музейного экспоната выступал я сам.

— Зачем я вам? — спросил я, отворачиваясь от стекла. — Я ученый из прошлого века. Мои знания устарели.

— Нам нужны не ваши знания, а ваша память, — Уильям повернулся ко мне лицом. — До сегодняшнего дня никому не удавалось успешно разморозить человека, проведшего в анабиозе целый век. Вы — первый, чей мозг сохранил стопроцентную пластичность. И это открывает перед нашей наукой невероятную дверь.

Мы вошли в небольшой кабинет с массивным креслом посередине, окруженным тонкими серебристыми дугами.

— Современная нейробиология доказала то, о чем веками спорили философы и мистики, — продолжил Уильям. — Сознание не умирает. Каждый человек проживает череду жизней, перевоплощаясь снова и снова. Весь опыт прошлых воплощений записан в глубинных слоях нашей генетической памяти, но для обычного человека этот архив намертво заблокирован. Наша технология позволяет снять этот барьер и погрузить разум в воспоминания прошлых жизней. Сейчас наука ищет один критически важный фрагмент истории, утерянный в веках. И только структура вашего нетронутого эволюцией мозга способна выдержать глубокое погружение без разрушения личности.

— Вы хотите залезть мне в голову и копаться в каких-то прошлых жизнях? — я нервно усмехнулся и покачал головой. — Нет. Это звучит как безумие. Я только что очнулся, я потерял все, что у меня было, а вы предлагаете мне стать подопытной крысой? Исключено.

— Вы и так часть этого эксперимента с той секунды, как ваш друг нажал кнопку запуска на криокамере, — возразил Уильям без тени раздражения. — Поймите: в этом мире у вас нет ни документов, ни близких, ни прошлого. Помощь нам — ваш единственный способ обрести статус, безопасность и ответы на вопросы о том, что стало с вашим коллегой. К тому же, это абсолютно безопасно. Вы просто проживете чужой, но в то же время свой собственный фрагмент памяти, как яркий осознанный сон.

Я посмотрел на гладкие стены, за которыми шумел чужой, стерильный мир будущего, потом перевел взгляд на кресло. Спорить было бессмысленно — здесь у меня действительно не было ни единого союзника. Тяжело выдохнув, я провел ладонью по лицу.

— Ладно. Один раз. Только один пробный сеанс, и после этого вы расскажете мне все, что удалось найти в архивах о Чаке Дэвисе.

— Договорились, — коротко кивнул Уильям.

Я опустился в кресло. Прохладный материал мягко принял форму тела, а серебристые дуги бесшумно сомкнулись над головой, источая едва уловимый запах озона. В висках застучало, свет в кабинете начал стремительно меркнуть, сгущаясь в непроглядную, тяжелую тьму.

Глава первая. Все будет хорошо

Я делаю еще одну глубокую затяжку… Тяжелый, едкий дым дешевого самосадного табака до краев заполняет легкие. Взгляд уперся в пустоту, а ладони неприятно стянуло от подсохшей, липкой крови. В полумраке покосившегося амбара густо витал сладковатый запах смерти, перемешанный с резким перегаром и мятным шнапсом. Прямо у моих ног, в грязной соломе, распласталось тело пьяного отца с тяжелым свиноколом, по самую рукоять вогнанным в шею. Это было мое первое убийство.

Мы владели небольшой свинофермой и клином земли, на котором пятый год подряд пытались вырастить пшеницу. Отец совершенно не смыслил в хозяйстве — участок достался ему по наследству, и истощенная почва почти не давала урожая. При этом тринадцать голов голодных свиней требовали корма каждый день. Несмотря на собственную землю, мы жили впроголодь: все скудные гроши отец спускал на дешевое пойло и портовых шлюх. Свою мать я никогда не знал, а старик о ней даже не упоминал. Зато стоило ему нализаться до беспамятства, как в ход шли кулаки и ремень — и так повторялось изо дня в день. В тот вечер мое терпение лопнуло. Когда он снова замахнулся, я перехватил тяжелую бутылку из-под шнапса и со всей силы обрушил ему на череп, а затем, не давая опомниться, несколько раз всадил свинокол в горло.

Я прекрасно понимал: от тела нужно избавиться до рассвета. Перетащив труп в хлев, я бросил его в загон к голодным свиньям. К утру от отца остались лишь обглоданные кости. Чтобы замести следы окончательно, я собрал их в мешок и отнес на старую мельницу, перемолов в муку. Днем я явился к шерифу с понурым видом и заявил, что отец ушел в город три дня назад и сгинул. Старика объявили в розыск. Разумеется, хлеб из той партии костной муки я предусмотрительно не ел, в отличие от доверчивых соседей. Спустя пару недель, когда поиски зашли в тупик, права на ферму перешли ко мне. На тот момент мне едва исполнилось шестнадцать.

Я без сожалений продал проклятую землю за бесценок и бежал из глуши Миннеаполиса на юг — в жаркий, пропахший специями и гнилью Новый Орлеан. Шел 1791 год.

Сняв каморку в портовом квартале, я устроился подмастерьем к местному сапожнику. Два года я гнул спину над чужими башмаками, пока судьба не свела меня с Элис — немолодой, но весьма состоятельной вдовой, скучающей в огромном особняке. Окружить ее заботой оказалось проще простого. На последние сбережения я купил скромное золотое кольцо и сделал ей предложение.

Спустя ровно месяц после пышной свадьбы я нанес визит местному врачу, доктору Генри. С деланной тревогой в голосе я попросил его зайти на днях и выписать микстуру, пожаловавшись, что у моей дорогой супруги в последнее время участились приступы падучей. Вечером того же дня, когда Элис нежилась в горячей ванне, я бесшумно вошел в ванную комнату, резко схватил ее за щиколотки и дернул на себя. Она с плеском ушла под воду, глухо ударившись затылком о чугунный край, мгновенно потеряла сознание и захлебнулась.

Утром тело обнаружила горничная. Доктор Генри, опираясь на мои недавние жалобы, без колебаний заключил, что у несчастной случился припадок прямо в воде. Следов борьбы не было, дело закрыли как трагический несчастный случай, а мне, как убитому горем вдовцу, отошли особняк и солидное состояние в две тысячи семьсот фунтов.

Задерживаться на юге я не стал. Продав дом, я отправился на север — в Филадельфию, крупнейший мегаполис страны, иронично прозванный «Городом братской любви».

Я снял просторную комнату на тихой, вымощенной булыжником аллее Элфрета, в доме номер тринадцать. Район казался сонным и респектабельным, но всего в трехстах ярдах от

моего крыльца возвышалось мрачное здание из потемневшего красного кирпича — городская психиатрическая лечебница. О ней шептались с суеверным ужасом. Горожане старались обходить ее высокие чугунные ворота стороной и избегали любых контактов с персоналом, а особенно — с главным врачом, доктором Николасом Манро.

Манро был человеком жестоким и почти всесильным. Люди в стенах его заведения исчезали бесследно. Когда в Филадельфии кто-то пропадал, жители прекрасно понимали, за какими стенами искать несчастного, но молчали в тряпочку: шериф, судьи и вся городская стража сидели у доктора на жалованье. Если же находился смельчак, пытавшийся поднять шум, он сначала ненадолго пропадал, затем внезапно объявлялся с официальным диагнозом «острое помешательство», а вскоре исчезал навсегда. Поговаривали, что таким борцам за правду в подвалах лечебницы пробивали лобные доли специальным инструментом, похожим на узкий молоток, превращая бунтарей в пускающих слюни, безвольных овощей.

На город опускались промозглые сумерки, с реки тянуло сырым туманом. Я прикурил самокрутку от оплывшего огарка свечи, жадно затянулся и, затушив фитиль струей густого серого дыма, вышел на улицу. Мокрый булыжник тускло блестел в свете редких масляных фонарей. Я направился прямо к лечебнице. По дороге я прокручивал в голове план: чтобы заслужить доверие человека вроде Манро, нужно показать, что у тебя нет ни жалости, ни тормозов.

У массивных дубовых дверей лечебницы дежурил охранник — огромный детина с грубыми чертами лица, выдававшими в нем немецкого наемника. Из-за его широкого кожаного пояса торчала массивная рукоять старинного кремневого пистолета.

— Чего тебе здесь надо, парень? — прорычал он, преграждая путь.

— Мне нужно переговорить с мистером Николасом Манро, — ответил я громко, глядя ему прямо в глаза.

— Проваливай отсюда, пока цел! — гаркнул громила, и его тяжелая ладонь легла на рукоять пистолета.

В этот миг из-за угла, высекая подковами искры из мостовой, вылетел черный закрытый экипаж. Кучер натянул вожжи, и карета резко замерла у входа.

— Хотел повидать босса? Сейчас повидаешь, щенок, — с ехидной ухмылкой процедил охранник.

Дверца экипажа распахнулась, и на мостовую ступил статный, безупречно одетый мужчина в дорогом темном сюртуке. Гладко выбритое лицо, идеальная укладка, холодный, пронзительный взгляд. Он окинул нас быстрым взглядом и спросил низким, хриплым голосом:

— Что здесь происходит, Куно?

— Этот сопляк требует встречи с вами, сэр, — злобно оскалился охранник. — Позвольте мне выбить из него всю дурь.

— Успокойся, Куно. Пусть говорит, — хрипло бросил Манро и глухо закашлялся в кружевной платок.

— Я хочу работать на вас, сэр, — четко произнес я, не отводя взгляда. — Я наслышан о репутации этого места и прекрасно понимаю, с чем придется столкнуться. Я готов выполнять любые приказы. Без лишних вопросов.

Манро прищурился, и в уголках его губ мелькнула ледяная усмешка:

— Любые приказы, говоришь? Что ж, проверим…

Дальше все утонуло во вспышке боли.

Я очнулся от резкого запаха нашатыря и карболки. Голова раскалывалась так, словно череп сжали в тисках — Куно, не раздумывая, вырубил меня ударом тяжелой рукояти пистолета по затылку. Я лежал в сыром подвальном помещении со стенами из голого камня, накрепко притянутый кожаными ремнями к ржавой железной койке.

— Ну, давай посмотрим, на что ты способен, герой, — с кривой ухмылкой произнес Куно.

Он грубо втащил в камеру перепуганного до смерти мужчину лет тридцати. Несчастный был затянут в грязную смирительную рубашку, а рот ему стягивал тугой тряпичный кляп. Пока охранник возился с завязками на пленнике, Манро подошел ко мне и быстрыми движениями расстегнул мои ремни.

— Докажи, что ты стоишь этой работы, — тихо бросил доктор мне на ухо, после чего повернулся к пленнику, с которого как раз сдернули кляп и рубашку: — Это твой единственный шанс, Сид! Хочешь снова увидеть жену и двух маленьких дочек? Убей его!

Доктор ткнул пальцем в мою сторону. Сид тяжело дышал, его глаза метались по комнате, как у загнанного зверя. Отчаяние толкало его на все, лишь бы вырваться из этого каменного мешка. Я-то прекрасно понимал: кто бы из нас ни победил, живым отсюда бедолагу не выпустят. Но, как говорится, надежда умирает последней.

Мое дыхание участилось, по венам разлился горячий, пьянящий азарт. С легкой, почти ленивой улыбкой я нащупал на железной тумбе рядом с койкой тяжелые хирургические ножницы и сжал их в ладони.

Сид с диким криком бросился на меня. Я шагнул навстречу и наотмашь полоснул раскрытыми лезвиями ему по лицу. Брызнула темная кровь. Раунд остался за мной. Измученный голодом, пытками и лошадиными дозами лекарств, пленник едва держался на ногах. Отбросив ножницы в сторону, я обрушил на него град тяжелых ударов. После третьего попадания в челюсть он мешком рухнул на каменный пол.

Мои костяшки были разбиты в кровь, но я не чувствовал боли. Не теряя ни секунды, я оседлал его и принялся методично вбивать кулаки ему в лицо, пока он не перестал дергаться. Сид был еще в сознании — сквозь кровавую пену на губах он хрипел, умолял о пощаде, скулил про жену и двух маленьких дочек, но его мольбы только разжигали во мне холодное, хищное удовольствие. Схватив его за шиворот, я подтащил обмякшее тело к железной койке и принялся бить его головой об острый металлический угол, пока сзади меня не оттащил за плечи Куно.

Все это время Николас Манро неподвижно стоял в тени угла и молча курил тонкую папиросу. Докурив до фильтра, он неспешно подошел, затушил тлеющий окурок прямо об окровавленный лоб мертвого Сида и произнес:

— Чертов псих. Ты нанят.

Я опустил взгляд на свои руки. Средний палец на левой кисти неестественно выгнулся и стремительно наливался багровым отеком — я левша, поэтому именно левой приходились самые частые и сокрушительные удары. Кровь пропитала рукава, запеклась на щеках и липла к ладоням. Знакомое, почти забытое ощущение. Только в этот раз чужая кровь не вызывала ни грамма отвращения. Напротив, внутри разлилось тяжелое, глубокое удовлетворение, а губы сами собой растянулись в кривой усмешке.

— Я же говорил, что готов на все, — произнес я, доставая помятую папиросу из внутреннего кармана своей легкой осенней куртки.

— Как тебя зовут? — спросил Манро, протягивая мне коробок спичек.

В этот момент Куно нагнулся и поднял с пола упавший в ходе драки подсвечник. Огарок свечи погас еще в начале схватки, и, когда охранник снова высек огонь и поднес фитиль к пламени, полумрак каземата отступил. В дрожащем желтом свете я увидел, насколько огромной была лужа крови на каменных плитах и во что превратилось лицо Сида. От него осталось лишь кровавое месиво.

— Я спросил, как тебя зовут, loco[^1]? — переспросил мой новый босс, заметив, что я замер, разглядывая плоды своей работы.

— Нейтан, — выдохнул я, переводя на него взгляд. — Нейтан Кристиан Палмер.

— Ступай домой и отдохни, Нейтан. Завтра я дам тебе настоящее задание, — Николас перевел тяжелый взгляд на своего громилу и бросил через плечо: — А ты проследи, чтобы здесь к утру все вылизали до блеска.

Мы с Манро поднялись по узкой каменной лестнице и вышли на улицу, где у тротуара, переступая с ноги на ногу, фыркали лошади, запряженные в его черный экипаж.

— Ну, до завтра, — хрипло бросил психиатр, скрываясь в глубине кареты.

Как выяснилось позже, Куно был не просто вышибалой, а правой рукой Манро и его главным исполнителем. По дороге домой я прокручивал в голове события этого вечера. Ночь выдалась промозглой, с реки тянуло ледяным ветром, и я прибавил шагу, пряча поглубже в карман распухшую, ноющую левую руку.

— Что вы делаете на улице в столь поздний час, сударь? — раздался резкий окрик за спиной.

Я вздрогнул. Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как прошел мимо ночного дозорного. Обернувшись, я увидел полицейского в темном плаще, стоявшего в паре шагов от меня с приподнятым масляным фонарем.

— Возвращаюсь от старшей сестры, офицер, она тяжело больна. Относил ей лекарства, — соврал я ровным голосом, мысленно поблагодарив густую ночную темень за то, что она скрывала темные пятна крови на моей куртке и лице.

— Будьте осторожнее, на улицах нынче неспокойно, — буркнул страж порядка и, пожелав доброго пути, зашагал дальше по мостовой.

Добравшись до своей комнаты на аллее Элфрета, я даже не стал умываться — просто стянул куртку и рухнул на кровать. Не прошло и десяти минут, как я провалился в тяжелый сон без сновидений.

Проснувшись утром, я первым делом осмотрел руку: отек заметно спал, хотя костяшки все еще ныли при сжатии. Я тщательно отмыл засохшую кровь в тазу с холодной водой, сменил испачканную одежду на чистую и направился обратно к мрачному кирпичному зданию лечебницы.

У массивных входных дверей дежурил незнакомый молодой парень с дубинкой на поясе, который, разумеется, тут же преградил мне путь.

— Позови Куно, я от него, — бросил я.

Не успел стражник открыть рот, как со скрипом распахнулась створка окна на втором этаже, и наружу высунулась помятая, серая от усталости физиономия Куно. Похоже, он действительно не сомкнул глаз ни на минуту.

— Пропусти его! — прорычал охранник, после чего молодой парень молча отступил в сторону, открывая тяжелую дверь.

Стоило переступить порог, как на меня обрушилась гнетущая атмосфера этого места. В воздухе витал густой, удушливый запах дешевой хлорки, нечистот, старых лекарств и застарелого человеческого страха. С верхних этажей сквозь толстые перекрытия доносились приглушенные крики, стоны и глухой стук в обитые железом двери. Проходя мимо того самого подвального каземата, где я провел вчерашний вечер, я заглянул внутрь: каменный пол был вымыт дочиста, не осталось ни единого бурого пятна. Видимо, персонал под присмотром правой руки Манро драил его всю ночь.

Я поднялся на второй этаж. В просторной полутемной палате, заваленной какими-то ящиками и медицинскими склянками, рядом с Куно стоял высокий, жилистый мужчина с темной кожей — судя по акценту и внешности, выходец с Гаити.

— Знакомься, Нейтан, это наш поставщик, — устало произнес Куно, потирая покрасневшие глаза.

— Поставщик чего? — переспросил я, окидывая взглядом пустую комнату.

— Не прикидывайся дураком. Так называемого живого товара, — усмехнулся охранник.

Мне не требовались лишние объяснения. Речь шла о людях — в основном о портовых бродягах, нищих и беспризорниках, которых никто в этом огромном городе не хватится. Впрочем, учитывая, какие влиятельные покровители стояли за спиной Николаса Манро, ему ничего не стоило похитить и вполне добропорядочного горожанина.

— Неплохой товар, — кивнул Куно гаитянину, глядя куда-то в соседний отсек. — Босс с тобой рассчитается внизу, а мне пора идти.

Он крепко пожал темнокожему мужчине руку и быстрым шагом вышел из палаты.

Буквально через двадцать минут появился Николас. Коротко переговорив вполголоса с гаитянином и передав ему тугой кожаный кошель, он сразу же подошел ко мне.

— Пойдем, я введу тебя в курс дела, — бросил он, и мы двинулись в самый конец длинного, полутемного коридора, вдоль которого тянулись ряды тяжелых дубовых дверей с маленькими зарешеченными окошками.

— Нам доставили новую партию экспериментального препарата, который мы должны испытать на пациентах, — на ходу пояснял Манро. — Твоя задача на сегодня, Нейтан, — помогать мне и санитарам удерживать подопытных, пока я провожу процедуры.

Мы вошли в одну из палат. Воздух здесь был тяжелым и спертым, пахло застарелым потом и дешевым мылом. Доктор подошел к деревянному столу и принялся неспешно наполнять массивный стеклянный шприц с толстой стальной иглой из мутного флакона. Тем временем двое дюжих санитаров грубо притягивали кожаными ремнями к железной кровати худенькие, дрожащие запястья молодой девушки. Она смотрела прямо на меня широко распахнутыми от ужаса глазами, а по ее бледным, впалым щекам катились крупные слезы.

— Заткните ей рот, чтобы не визжала, — будничным тоном приказал Манро санитарам.

Даже когда ей в рот затолкали грязный тряпичный кляп, она не отводила от меня взгляда. В ее глазах читалась отчаянная надежда и немая мольба о пощаде. Вероятно, увидев незнакомое лицо, бедняжка решила, что я здесь новенький и еще не успел очерстветь, а значит — могу ее спасти. Чтобы одним махом разрушить эти глупые иллюзии, я усмехнулся и громко произнес:

— Док, позвольте мне самому вколоть ей эту дрянь.

Манро на секунду замер, с интересом взглянул на меня и протянул шприц:

— Хм… Хорошо. Только вводи медленно и строго в вену.

После этих слов последняя искра надежды в глазах девушки погасла. Ее начало бить мелкой, неудержимой дрожью, а взгляд заволокло животным, парализующим ужасом.

— Она с трудом пережила прошлую инъекцию, — спокойно комментировал психиатр, пока я перетягивал ей предплечье жгутом и нащупывал тонкую синюю жилку. — Почти две недели ее выкручивали чудовищные судороги, так что, полагаю, сегодня ее последние деньки.

Я с силой вогнал иглу под кожу и надавил на поршень. Не успел я вынуть шприц, как девушка захрипела сквозь кляп. Ее тело выгнулось дугой так сильно, что затрещали кожаные ремни, а вены на шее вздулись. Она билась в агонии, захлебываясь собственным криком.

— Представь себе раскаленный добела уголь, которым тебе медленно выжигают глаз, — с холодным научным любопытством произнес Манро, наблюдая за конвульсиями. — Вот примерно это ощущение сейчас разливается по каждой клетке ее тела.

Пока он говорил, судороги внезапно прекратились, и девушка обмякла на пропитанных потом простынях. Мне показалось, что она просто потеряла сознание от изнеможения, но доктор лишь равнодушно приложил пальцы к ее шее и покачал головой.

— Скончалась от болевого шока. Введите ту же дозу ее девятилетнему сыну в соседней камере — быть может, детский организм перенесет состав лучше, — распорядился Николас и снова зашелся в тяжелом, надсадном кашле. Откашлявшись в платок, он махнул мне рукой и криво усмехнулся: — Надеюсь, ты не боишься крови, Нейтан?

— Куда мы идем, босс?

— В подвал.

Мы спустились на первый этаж и уже подошли к обитой железом двери, ведущей в подземелье, когда нас догнал запыхавшийся санитар.

— Доктор Манро, мальчишка тоже не выжил. Сердце остановилось через минуту после укола.

Николас лишь досадливо поморщился:

— Несите его вместе с мамашей вниз, к профессору Логану.

Дождавшись, пока санитар скроется за поворотом, доктор перевел взгляд на меня и прохрипел:

— Помимо тестирования лекарств для весьма влиятельных господ, мы вносим свой скромный вклад в большую науку. Профессор Логан занимается изучением, так сказать, внутреннего мира человека.

С тихим смешком он провернул тяжелый ключ в замке, толкнул дверь, и мы спустились по скользким каменным ступеням в сырой, полутемный подвал.

— Николас, а зачем вообще нужны все эти жестокие опыты с препаратами? — спросил я на ходу.

— Все до смешного просто, Нейтан, — ответил он, поправляя манжеты. — Представь, что ты очень богатый и влиятельный вельможа, а твой единственный наследник слег с какой-нибудь редкой, неизлечимой хворью. Лучшие аптекари и алхимики готовы сварить для него спасительное снадобье, но есть одна загвоздка: его нужно на ком-то проверить. Формула не всегда срабатывает с первого раза, и побочные эффекты порой бывают… такими, как ты видел наверху. Зато за наши труды нам не только платят звонким золотом, но и обеспечивают полную неприкосновенность.

Мы вошли в просторный сводчатый зал, освещенный десятком оплывших сальных свечей. В воздухе стоял едкий, тошнотворный запах спирта, гниющей плоти и свежей крови. Посередине комнаты на длинном цинковом столе с желобами для стока жидкости лежало обнаженное мужское тело. Грудная клетка была грубо вскрыта, ребра разведены в стороны, а внутри зияла пустота — все органы были извлечены. Голова покойника представляла собой бесформенное месиво.

— Узнаешь старого знакомого? — с кривой улыбкой спросил Манро.

Приглядевшись к разбитому лицу в тусклом свете свечей, я узнал Сида.

В самом углу подвала, спиной к нам, стоял человек в заляпанном кровью кожаном фартуке и сосредоточенно укладывал что-то в стеклянные сосуды. Подойдя ближе, я разглядел вдоль стены целый стеллаж, уставленный банками с мутноватой жидкостью, в которой плавали человеческие органы. Я взял одну из склянок и поднес ее поближе к пламени свечи, пытаясь разглядеть содержимое.

— Это почка, молодой человек, — раздался за спиной мягкий, почти добродушный голос.

Я обернулся. Передо мной стоял мужчина ростом чуть ниже среднего, в круглых очках в тонкой проволочной оправе и с окладистой, ухоженной бородой, которую он задумчиво поглаживал испачканными в сукровице пальцами.

Обращаясь к бородатому коротышке, Манро произнес:

— Знакомься, Логан, это наш новый сотрудник — Нейтан.

— Поставь банку на место и подай мне вон то шило, — бросил профессор, даже не удостоив меня взглядом. Его пальцы уже снова привычно гладили окладистую бороду.

Я молча выполнил просьбу и отошел ближе к каменной лестнице, чтобы закурить. В этом тесном, затхлом подвале стояло невыносимое зловоние спирта, крови и разложения, и едкий табачный дым хоть немного перебивал этот тошнотворный смрад.

— Ну ладно, пойдем, не будем ему мешать — работы у него сегодня невпроворот, — сказал Манро, направляясь к выходу. Задержавшись на ступенях, он на секунду задумался и добавил: — Вечером мне предстоит встреча с одним весьма влиятельным господином по поводу новых исследований. Так что на сегодня ты свободен.

На этом мы и разошлись. На дворе стояла удивительно ясная, золотая осенняя погода, словно в насмешку над тем кошмаром, что творился в подземелье за моей спиной. Я шагал по мостовой, глубоко погруженный в свои мысли. Отнюдь не ради того, чтобы пытать беспомощных людей и вкалывать им яд, я устроился в этот филиал ада. У меня была своя цель, но я прекрасно понимал, что в одиночку мне ее не провернуть.

Размышляя над дальнейшими шагами, я свернул к шумному городскому рынку. Здесь пахло свежей выпечкой, жареными каштанами, конским навозом и речной рыбой. Пробираясь сквозь пеструю толпу, я решил: чтобы провернуть задуманное, мне нужно втереться в доверие к местным жителям — точно так же, как я сделал это в лечебнице. Покупая провизию у торговых рядов, я прислушивался к обрывкам разговоров. Торговцы обсуждали, что сегодня вечером — как, впрочем, и каждый день — весь честной народ собирается в старой таверне на соседней улице. Это был мой шанс.

Вернувшись домой, я провел остаток дня словно в густом тумане. Меня не отпускали тяжелые воспоминания, мысли блуждали где-то далеко, а тело действовало на автомате: я перестирал испачканную одежду, на скорую руку приготовил ужин и принялся скручивать себе запас папирос на вечер. В Филадельфии торговали отменным виргинским табаком, и мне не терпелось его опробовать.

Чиркнув огнивом, я прикурил первую папиросу и бросил взгляд на карманные часы — день неумолимо клонился к закату. Вдруг я резко дернул рукой: тлеющий уголек сорвался с кончика самокрутки, упал прямо на запястье и больно обжег кожу. Я зашипел от резкой боли, и в ту же секунду перед глазами всплыла картина из детства. Отец всегда был хитер на выдумку, когда дело доходило до наказаний. Как-то раз, будучи совсем мальчишкой, я набрался смелости и спросил, почему он никогда не рассказывает о моей матери. В ответ он молча схватил меня за руку, выкрутил ее и с силой затушил горящую сигару прямо о мое запястье. В ушах до сих пор звенел его яростный, пропитый рык: «Не смей о ней спрашивать! Слышишь, щенок?! Никогда больше о ней не заикайся!»

Я тряхнул головой, отгоняя наваждение, накинул плащ и вышел на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.